

УЛЬТРАПРАВЫЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: НА ПРЕДЕЛЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

© 2018 г. А. Бадаева

БАДАЕВА Анна Сергеевна, кандидат политических наук.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23 (annabadaeva@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 11.10.2017.

В статье подробно рассматривается феномен современного правого радикализма в Западной Европе. Особое внимание уделено страновому анализу ультраправых и популистских партий – Франции, Великобритании, Нидерландов, Германии и скандинавских государств. Исследуются причины и факторы, способствовавшие превращению ряда маргинальных ультраправых движений и партий в реальную угрозу западноевропейскому политическому мейнстриму. Одновременно в качестве новейшей тенденции 2016–2017 гг. выявляются обстоятельства, обозначившие четкий предел возможностей праворадикалов на современной политической сцене Европейского союза.

Ключевые слова: западноевропейские ультраправые партии, правый радикализм, популизм, евро-скептицизм, ксенофобия, Национальный фронт (Франция), Партия свободы (Нидерланды), Альтернатива для Германии, Шведские демократы.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-37-46

Выборы 2016–2017 гг., проходившие во многих странах Европейского союза, пожалуй, наилучшим образом обозначили предел электоральных возможностей современных западноевропейских праворадикальных партий. С одной стороны, многократное увеличение потока нелегальных мигрантов в ЕС с 2015 г., *Brexit* в 2016 г., волна крупных террористических актов в городах Европы, а также никем не прогнозируемая победа Дональда Трампа на президентских выборах в США всколыхнули европейскую общественность, резко усилили недоверие граждан к правящему классу и обоснованности избранного им курса, дали зеленый свет росту радикальных настроений. С другой стороны, партии мейнстрима оказались перед витальной необходимостью изменений и, перенимая жесткие позиции конкурентов по ряду ключевых вопросов, в частности иммиграционному, смогли успешно сбить волну популярности радикалов. Президентские выборы 2016 г. в Австрии, парламентские выборы в Нидерландах и череда выборов во Франции в 2017 г. четко обозначили общую для Западной Европы тенденцию. Так, в декабре 2016 г. в Австрии левоцентристский кандидат Александр Ван дер Беллен смог с солидным преимуществом в 8% голосов победить своего конкурента – представителя ультраправой Партии свободы Норберта Хофера. И это при том, что полугодом ранее перевес составлял ничтожные 0.6%. Н. Хофер добился повторного голосования в декабре, которое

уже серьезным образом пошатнуло уверенность ультраправых в собственных силах.

Следующей пробой сил для западноевропейского ультраправого движения стали парламентские выборы в Нидерландах в марте 2017 г. Партия свободы во главе с Гертом Вилдерсом получила всего 20 мест в парламенте, сильно отстав от правящей Народной партии за свободу и демократию, получившей 33 мандата. Несмотря на то, что в опросах общественного мнения на протяжении большей части предвыборной кампании крайне правая партия Вилдерса лидировала.

Что касается президентских и парламентских выборов 2017 г. во Франции, то их результаты можно охарактеризовать если не как полный провал, то, по крайней мере, как достаточно определенный предел потенциальной востребованности французских, а возможно и западноевропейских, ультраправых. Ни кропотливая работа над имиджем партии, ни отсутствие соперников со стороны традиционных партий французского истеблишмента во втором туре не помогли Марин Ле Пен, лидеру Национального фронта, победить на президентских выборах в мае 2017 г. и преодолеть планку выше 33.9% голосов избирателей.

В чем же кроется причина неудач, и каковы дальнейшие перспективы развития крайне правого лагеря в Западной Европе?

СОВРЕМЕННЫЙ УЛЬТРАПРАВЫЙ ФЕНОМЕН

Прежде всего необходимо обозначить те из современных партий, которые следует относить к крайне правым. Любое идеологическое движение, по мнению Роджера Итвела, профессора европейской политики Батского университета (Великобритания), должно располагать последовательным набором нормативных представлений, эмпирических убеждений и суждений по проблемам природы человека, развития истории, социальных и политических перспектив [1]. Традиционно идеологической основой всех ультраправых партий являлся и является национализм, отстаивающий интересы конкретной национальной общности, проживающей на данной ей территории. При этом, проявляя крайние формы национализма, праворадикальные партии зачастую готовы оправдывать и ксенофобию, и антисемитизм, и создание сильного полицейского государства. Не случайно в научный оборот введен внушительный набор понятий, с помощью которых пытаются дать наилучшее определение современным партиям крайне правого толка: начиная от “популистов”, “евроскептиков”, “национал-консерваторов” и заканчивая “праворадикалами”, “экстремистами” и “неофашистами”. Большинство этих терминов имеет право на существование. Однако, исследуя истинную стратегию современных крайне правых партий, невозможно концентрироваться только на изучении отдельных моделей нацистской ориентации или, напротив, чрезмерно доверяться популистским высказываниям харизматичных партийных лидеров, абстрагируясь от социальных условий, в которых вынуждены бороться за власть праворадикалы.

Сегодня популизм присущ в той или иной степени всем партиям, участвующим в политическом процессе, как необходимая часть предвыборной кампании, как стиль риторики, апеллирующей к нуждам и требованиям широких народных масс. Между тем ряд европейских исследователей, в частности профессор Джорджтаунского университета Кас Мудде в своих многочисленных трудах, посвященных ультраправым партиям в Европе, зачастую отождествляет понятия “популисты”, “праворадикалы” и “экстремисты” [2]. Действительно, в его родной стране Нидерландах существенного признания добилась *Партия свободы*. Во многом своим успехом она обязана харизматичному лидеру Герту Вилдерсу, который является автором резко критикуемого фильма об исламе “Фитна” и неоднократно привлекался к суду по обвинению в разжигании ненависти к мусульманам, расовой дискриминации и оскорблении этнических групп.

В свою очередь французский социолог Ани Коловалд также пытается доказать, что сейчас в стране именно “популизм” становится доминирующим фактором,

своего рода призмой, через которую большинство населения рассматривает *Национальный фронт* [3]. Эта французская ультраправая партия имеет весьма неоднозначную 45-летнюю историю. Некоторые политические вопросы, содержащие элементы популизма и педалируемые партией в настоящее время, далеко не всегда совпадали с теми, которые продвигались ею в прошлом. Например, евроскептицизм до 90-х годов прошлого века не являлся неотъемлемым концептом французских (как и многих других западноевропейских) ультраправых. Напротив, в 80-е годы Национальный фронт всячески содействовал интеграции Европейского союза, о чем свидетельствуют его предвыборные манифесты (1986 г.). Французские ультраправые активно призывали Сообщество взять на себя еще больше ответственности, включая “общую валюту”, “общую судебную систему” и пр. [4]. Схожую позицию разделяла и *Австрийская партия свободы*. Риторика двух европейских крайне правых партий резко поменялась после принятия в 1994 г. Маастрихтского договора. Хотя кардинальные сдвиги прежде всего следует объяснять тем, что исчезли опасения большинства западноевропейских партий по поводу угроз, исходящих от СССР до начала 90-х годов и вынуждавших их поддерживать любые общеевропейские проекты [5]. Евроскептическая и ксенофобская риторика после развала Советского Союза открыла новые горизонты перед ультраправыми лидерами, особенно учитывая, что партии мейнстрима игнорировали целый ряд болезненных проблем, связанных с чрезмерным притоком инокультурных мигрантов и беженцев. Иными словами, партийная борьба и стремление занять выгодное положение на политической сцене всегда позволяли ультраправым манипулировать целым рядом вопросов, занимая то про-, то антиевропейские позиции [6]. По крайней мере, французская и австрийская праворадикальные партии успешно используют любые возможности для повышения своих рейтингов, в том числе активно работая над собственным имиджем и продвигаясь по ряду вопросов в сторону политического центра.

Существуют также праворадикальные партии, которые на заре своего создания не прибегали к популярной ныне антииммиграционной риторике. Речь идет о *Партиях прогресса*, появившихся в Дании и Норвегии в начале 70-х годов, когда в скандинавских странах иммиграционный вопрос был абсолютно не политизирован, а население волновали прежде всего экономические проблемы. Кроме того, датская и норвежская Партии прогресса были партиями уже “зрелого” общества благосостояния и своими требованиями предвосхитили деятельность неолибералов, появившихся на мировой политической арене лишь с приходом к власти в Великобритании в 1979 г. М. Тэтчер и в США в 1980 г. Р. Рейгана. Скандинавские Партии прогресса выступали за

снижение налогов и расходов, за ограничение вмешательства государства в экономику. Одновременно их лидеры требовали увеличения финансирования здравоохранения и пенсионной системы, что также обусловило настоящий взрывной рост их популярности в опросах общественного мнения [7]. Особый успех имела датская Партия прогресса, получившая на парламентских выборах 1973 г. 15.6% голосов. После предпринятых в начале 80-х годов новыми правительствами жестких неолиберальных мер требования о снижении налогов перестали быть актуальными, и, как следствие, произошел постепенный спад популярности ультраправых партий. Однако их руководители вовремя сумели почувствовать настроение масс и переключились на новые социальные проблемы, спровоцированные ростом иммиграции. Так, норвежская Партия прогресса поочередно уже в течение более чем 10 лет занимает вторые и третьи места по количеству представленных в законодательном органе депутатов, а после парламентских выборов 2013 г., на которых ультраправых поддержали 16.4% избирателей, впервые вошла в правительство. Лидер и члены Партии прогресса добились назначения на посты министра финансов, министра нефти и министра по делам миграции и интеграции. Датская Партия прогресса, плавным образом трансформировавшаяся в 1995 г. в Датскую народную партию, уже к 2001 г. стала 3-й по величине партией в парламенте и получила возможность формировать парламентское большинство в обмен на удовлетворение ряда своих требований, в частности касающихся ужесточения иммиграционной политики.

Совсем иначе складывается судьба *Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP)*, основанной

в 1993 г. и ставившей своей первоочередной задачей добиться выхода Великобритании из Евросоюза. Пика своей популярности (14–16%) партия достигла в 2015–2016 гг. и прежде всего благодаря почти десятилетнему руководству опытного политика Найджела Фаража, выходца из Консервативной партии. Высокие рейтинги британских праворадикалов безусловно были в числе аргументов, вынудивших в предвыборной гонке 2015 г. лидера Консервативной партии дать обещание в случае ее победы провести в Великобритании референдум о членстве в ЕС. После прошедшего в июне 2016 г. плебисцита, окончившегося победой сторонников *Brexit*, руководитель *UKIP* Н. Фараж подал в отставку, заявив, что теперь британцы стали хозяевами своей страны и его цель достигнута [8]. На парламентских выборах 2017 г. *UKIP* поддержали всего 1.8% избирателей. Отсутствие идеологической составляющей и приоритет, отданный одному вопросу, стали причиной резкого падения интереса британцев к этой популистской партии. С большей долей уверенности к праворадикалам, придерживающимся классических националистических принципов, можно отнести *Британскую национальную партию*. Максимальной поддержки ей удалось достичь в 2009–2010 гг.: партия получила 2 места на выборах в Европарламент в 2009 г. и 1.9% голосов избирателей на парламентских выборах в 2010 г. В настоящий момент партия находится в состоянии стагнации из-за нежелания двигаться по пути демократизации и потери собственной политической ниши, в том числе в результате появления и деятельности популистской *UKIP*.

В 2017 г. еще одна западноевропейская ультраправая партия продемонстрировала провальные результаты на выборах. Речь идет об *Истинных финнах*. На муниципальных выборах финских ультраправых

Рис. 1. Рейтинги популярности трех скандинавских ультраправых партий за последние полтора десятилетия (2002–2017 гг.), %
Источник: [11; 12; 13].

поддержали всего лишь 8.8% избирателей, несмотря на то, что двумя годами ранее на выборах в парламент они набрали 17.6% от общего числа голосующих, став второй по величине партией в законодательном органе и получив 4 правительственных портфеля. По итогам муниципальных выборов Тимо Сойни, лидер Истинных финнов и одновременно министр иностранных дел страны, признал поражение своей партии, недвусмысленно объяснив это тем, что его партия “стала жертвой проводимой правительством политики стабилизации” [9].

Проводя аналогию с Истинными финнами, следует отметить, что и две другие скандинавские ультраправые партии, которым посчастливилось войти в политическую элиту своих стран – Датская народная партия и норвежская Партия прогресса, согласно социологическим опросам, постепенно теряют популярность. Так, электоральная база Партии прогресса перемещается в сторону главного конкурента и основной оппозиционной политической силы Норвежской рабочей партии¹. Разочарование избирателей Датской народной партией обусловлено неспособностью этой организации реализовывать свои предвыборные обещания: избирательный барьер для прохождения в парламент страны составляет всего 2%, что, безусловно, увеличивает его фрагментарность, усложняет формирование стабильного большинства, вынуждает многочисленные партии искать общий консенсус и оставляет мало возможностей ультраправым (рис. 1).

XXI ВЕК: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН И РЕБРЕНДИНГА

Волнообразный рост электоральной поддержки праворадикалов в 2000–2010-х годах в Западной Европе, появление и закат новых ультраправых популистских “звезд” подтверждают теорию немецкого политолога Клауса фон Бейме, предложенную им еще в конце прошлого столетия. В своих трудах ученый доказывал, что европейские крайне правые партии в период после Второй мировой войны пережили в своем развитии “три волны”: *неонацизм* в послевоенное время, *борьбу с налогами и за интересы малого бизнеса* и, наконец, *ксенофобию*, набравшую обороты с середины 80-х годов [14].

Скандинавские Партии прогресса начала 70-х годов вполне можно отнести к партиям “второй волны”. А вот современные – норвежская Партия прогресса, Датская народная партия, Шведские

демократы, французский Национальный фронт, Истинные финны, нидерландская Партия свободы и некоторые другие – бесспорно принадлежат к партиям “третьей” ксенофобской волны. Стоит отметить, что большинство ультраправых партий по целому ряду причин, в той или иной мере, были затронуты воззрениями неонацизма: во-первых, основатели партий в прошлом часто открыто симпатизировали идеям фашизма²; во-вторых, отдельные современные крайне правые партии стали практически преемниками довоенных организаций³ или активно пополняли свои ряды за счет членов нацистских организаций⁴. Наконец, в-третьих, идеологическая связь праворадикалов с нацизмом порой намеренно раздувается оппозиционными политиками и СМИ с целью скомпрометировать оппонентов. Иногда, как, например, это делает Герт Вилдерс, лидер нидерландской Партии свободы, отличающийся порой крайне вызывающим, экстремистским поведением, лидеры ультраправых сами акцентируют преемственность подобного рода.

Эти исторические ремарки в целом позволяют идеологически сблизить нынешние ультраправые партии с правыми радикалами межвоенного периода. Однако сегодня большинство этих партий все же стараются исключить какие-либо сопоставления или аналогии с нацистским или фашистским прошлым, концентрируясь на преодолении собственного маргинального статуса и поисках возможностей для успеха в большой политике.

Неоценимую помощь западноевропейским ультраправым оказали интеллектуальные изыскания французского философа Алена де Бенуа, главного теоретика политико-философского движения Новые правые. В конце 60-х годов ученый разработал новую “респектабельную” ультраправую концепцию “этноплюрализма” и предложил заменить термин

¹ Норвежскую рабочую партию весной 2017 г. готовы были поддержать около 33% избирателей, в то время как рейтинг Партии прогресса снизился минимум на 4% с момента парламентских выборов в Норвегии в 2013 г. [10].

² Основатель норвежской Партии прогресса Андерс Ланге еще до войны участвовал в праворадикальном движении, симпатизировавшем фашизму. Жан-Мари Ле Пен, бывший лидер и основатель Национального фронта во Франции, известен своими громкими расистскими и антисемитскими выпадами.

³ В 1949 г. бывшие члены Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) создали “Союз Независимых”, который в 1956 г. был поглощен Австрийской партией свободы, имеющей в 2017 г. 27.4% мест в законодательном органе Австрии. Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) была образована в 1964 г. из Немецкой имперской партии, созданной в свою очередь бывшими деятелями Третьего рейха.

⁴ Партия Шведские демократы была образована в 1988 г. при слиянии Шведской партии прогресса и нацистского движения Сохраните Швецию шведской. Члены партии Шведские демократы в 80–90-х годах носили униформу, устраивали компрометирующие акции и часто имели криминальное прошлое.

“биологическое превосходство нации” понятием “культурные различия”. Это позволяло критиковать эгалитаризм, либерализм и мультиэтничность как основные причины утраты самобытности и идентичности европейского общества [15]. Большинство идей Алена де Бенуа нашли свое отражение в программах французского Национального фронта и многих других праворадикальных организаций и позволили им в начале XXI в., на фоне стремительно нарастающих ксенофобских настроений и бездействия истеблишмента, добиться максимальной поддержки населения со времен окончания Второй мировой войны.

Активно проводимая в последние годы лидерами ультраправых партий стратегия на первый взгляд, казалось бы, ускорила процесс демократизации и трансформации. В то же время она означала последний рывок в попытке перехватить политическое лидерство у мейнстрима. Характерен пример французского *Национального фронта*.

Основные преобразования французских праворадикалов начались в 2011 г. со сменой руководства. Во главе Национального фронта стала 42-летняя Марин Ле Пен. При этом ее 82-летний отец, Жан-Мари Ле Пен, был не только снят с поста лидера основанной им партии, но и впоследствии исключен из ее рядов. За шесть лет активной работы над имиджем партии и приданием ей демократических черт Марин Ле Пен удалось изменить риторику Национального фронта, не нарушив традиционных основ партийной программы. Это позволило, сохранив прежних сторонников партии, значительно расширить электорат, заинтересовав тех, кто никогда раньше не проголосовал бы за маргинальную партию. Сама Марин Ле Пен предстала в образе решительной женщины, в одиночку воспитывающей троих детей, что, безусловно, привлекало феминистски настроенную аудиторию. Удачно был подобран и советник. Речь идет о Флориане Филиппо, заместителе председателя Национального фронта, молодом политике, известном своими голлистскими взглядами и одновременно придерживающимся нетрадиционной сексуальной ориентации. Он стал идейным вдохновителем и проводником политики, нацеленной на обновление французского ультраправого движения. Недвусмысленный намек на отказ от гомофобской риторики привлек на сторону Национального фронта и представителей ЛГБТ-сообщества, с опаской смотрящих на возрастающее количество мусульман – мигрантов и беженцев, бесконтрольно прибывающих во Францию. В 2015 г. за Национальный фронт были готовы отдать свои голоса треть однополых французских пар и более четверти всего электората страны [16]. Из состава партии исключили всех компрометирующих ее членов, уличенных в расизме и антисемитизме. Особое

внимание уделялось экономическим и социальным проблемам простых трудящихся и законопослушных граждан, независимо от их возраста, национальности и религиозной принадлежности.

Предвыборная программа Марин Ле Пен, кандидата в президенты Франции в 2017 г., включавшая в себя 144 пункта на 24 страницах, была представлена в качестве “обещания” восстановить порядок во Франции в течение пяти лет. Марин Ле Пен говорила о будущей Франции как о “свободной”, “безопасной”, “справедливой”, “процветающей”, “независимой”, “гордой” и “сильной” стране, сопровождая определение перечнем необходимых экономических и политических мер [17]. В итоге, согласно предвыборным соцопросам, каждый четвертый житель страны, имеющий право голоса, был готов поверить Марин Ле Пен и поддержать ее. В их число входили и арабы-мусульмане, которых активно принимали в ряды Национального фронта как обычных граждан Франции, озабоченных проблемами безработицы и налогообложения, улучшения системы здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения и безопасности. В своих предвыборных речах кандидат от ультраправой партии делала акцент на защите светских основ Французской Республики и не нагнетала исламофобию, при этом экономическая лексика использовалась даже чаще, чем у большинства ее оппонентов, а избыточная иммиграция рассматривалась как негативное последствие глобализации.

Прогнозируемому успеху Марин Ле Пен на выборах должны были способствовать также ошибки, допущенные прежними президентами и политическим истеблишментом, представляющим традиционные партии. В течение последних десяти лет – от вступления в должность президента-республиканца Николя Саркози в 2007 г. до окончания президентства социалиста Франсуа Олланда в 2017 г. – общая экономическая ситуация во Франции неуклонно деградировала. Численность безработных и количество людей, живущих за чертой бедности и получающих от государства пособия, выросли. На фоне слабого экономического роста государственный долг увеличился вдвое и приблизился к 100% от ВВП. Параллельно с бесконтрольным притоком мигрантов и беженцев наблюдался серьезный отток молодых французских специалистов за границу⁵. Крупные теракты в 2015–2016 гг. во Франции, совершенные исламистами и унесшие более сотни человеческих жизней, лишь усилили тенденцию негативного отношения граждан к существующей власти и желание перемен. Поэтому основная интрига президентских выборов во Франции в 2017 г. заключалась в низких рейтингах кандидатов от двух

⁵ В 2016 г. Францию покинули по разным причинам около 1.7 млн французских граждан. Большинство из них – молодежь.

ключевых партий – правой и левой (республиканцы и социалисты), расширении спектра политических сил вследствие их фрагментирования, а также в интересе избирателей к новичкам и готовности голосовать протестно [18]. Усугубляли ситуацию коррупционные скандалы, раздуваемые масс-медиа вокруг фаворитов президентской гонки.

Ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что Марин Ле Пен пройдет во второй тур. Но лабильность партийной самоидентификации французского избирателя была настолько высока, что социологи до последнего момента не могли предсказать исход выборов. В итоге Марин Ле Пен действительно продемонстрировала свой “исторический” результат в качестве кандидата от Национального фронта: 21.3% голосов избирателей в первом туре и 33.9% – во втором. Впрочем, шансы Марин Ле Пен на победу во втором туре были практически сведены к минимуму: за ее единственным соперником во втором туре, самовыдвиженцем от собственной партии “Вперед!” Эммануэлем Макроном стоял не один десяток “политических тяжеловесов” как от республиканской партии, так и от социалистической. Последние уже на следующий день после первого тура призвали избирателей отдать голоса за “системного централиста” Э. Макрона. В свою очередь не рискнул призвать своих избирателей поддержать праворадикалов и кандидат от леворадикального движения Неподчинившаяся Франция Жан-Люк Меланшон, который набрал в первом туре 19.6% голосов. Напротив, он подчеркнул, что не имеет ничего общего с крайне правыми и не будет за них голосовать [19]. Хотя по некоторым принципиальным вопросам позиции французских право- и леворадикалов сегодня гораздо ближе друг к другу, чем к идеям центристов. В частности, речь идет об их общих евроскептических воззрениях, необходимости выйти из НАТО и о развитии справедливых отношений со всеми государствами, включая сближение с Россией.

Ситуация с президентскими выборами во Франции 2017 г. демонстрирует не только эффективность мажоритарной избирательной системы, действующей в ряде западноевропейских стран (Франции и Великобритании), ее способность в кризисных ситуациях работать на усиление политического центра и отсечение любых радикальных сил, но и тот самый “потолок”, выше которого в настоящее время ультраправые не могут “прыгнуть”. Национальный фронт предпринял беспрецедентные усилия, в том числе поступившись некоторыми концептуальными подходами и идеологическими принципами⁶. Условия на вы-

борах были максимально благоприятными⁷, тем не менее ему не удалось заручиться поддержкой необходимого числа французских избирателей.

Для сравнения можно привести ситуацию в Нидерландах, где на победу в парламентских выборах в 2017 г. уверенно рассчитывали именно крайне правые. Их лидер Герт Вилдерс, основатель *Партии свободы*, избрал тактику противоположную французам: демократизация образа партии и ее ребрендинг едва ли интересовали его. Свою последнюю предвыборную кампанию в парламент в феврале 2017 г. Г. Вилдерс начал с того, что назвал марокканцев “мразями”, а в случае победы обещал закрыть все мечети на территории страны [20]. Представленная им программа партии на 2017–2021 гг. под лозунгом “Мы должны вернуть себе Нидерланды” была хоть и весьма последовательна, но настолько лаконична (11 ключевых пунктов вместились на одном бумажном листе), что вызвала справедливое сомнение избирателей в компетентности автора. Рейтинги нидерландской ультраправой Партии свободы основывались в большей степени на эпатажном поведении их харизматичного лидера, чем на наличии собственной устойчивой электоральной базы (если продолжить аналогию с французскими ультраправыми, то схожая ситуация скорее была характерна для Национального фронта времен руководства Жан-Мари Ле Пена). Социологические опросы, проведенные за две недели до парламентских выборов, отдавали победу Партии свободы (более 17% избирателей). Однако те же опросы показывали, что 77% голландцев, имеющих право голоса, все еще окончательно не определились с выбором кандидата [21]. Некоторые участники социологического исследования откровенно высказывались в том смысле, что их настораживает чрезмерный радикализм лидера ультраправых. Другие просто не видели смысла отдавать голос за Партию свободы, поскольку в случае победы ей трудно было бы сформировать в парламенте большинство, тем более что Г. Вилдерс пользуется репутацией крайне ненадежного политического партнера. Однажды он уже покинул правящую коалицию, лишив ее в парламенте большинства и спровоцировав в 2012 г. досрочные парламентские выборы. Стоит отметить, что и истеблишмент Нидерландов проявил решительность накануне выборов и перехватил у основного соперника инициативу в антииммиграционном вопросе, тем самым переманив на свою

внутри Национального фронта. Так, Марион Марешаль-Ле Пен, успешный политик, племянница Марин Ле Пен и ее возможная преемница, уже заявила о своем отходе от дел по “политическим причинам”.

⁶ Речь, в частности, идет об отношении французских праворадикалов к однополым союзам. Демократизация позиции по этому вопросу официального руководства партии может создать условия для появления внутренних разногласий

⁷ Впервые в истории Пятой республики (с 1958 г.) во второй тур президентских выборов не прошли представители двух традиционных для французской мажоритарной системы партий – социалистов и республиканцев.

Рис.2. Снижение популярности партий крайне правого толка в Великобритании, Франции и Нидерландах, %
Источник: [22; 23; 24].

сторону колеблющихся избирателей⁸. В итоге, имея все шансы на победу, партия Г. Вилдерса оказалась второй, уступив правящей Народной партии.

Положение как французской, так и нидерландской ультраправых партий, не говоря уже о потерпевшей полный провал популистской Партии независимости Соединенного Королевства, демонстрирует общий спад электорального интереса к радикалам в условиях пробуждения правящего класса и принимаемых им контрмер (рис. 2).

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ В ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ

Особое внимание заслуживает ситуация с ультраправыми в Германии и Швеции, где по ряду причин «ксенофобская волна» поднялась на десятки лет позже, чем у их соседей. Поэтому популярность крайне правых партий и движений в этих странах находится сегодня все еще на максимально высоком уровне (рис. 3).

Что касается Швеции, то вопрос иммиграции в этой скандинавской стране начал активно политизироваться лишь после 2010 г. До этого времени он не оказывал значительного влияния на предпочтения

⁸ Парламентские выборы 2017 г. в Нидерландах проходили на фоне дипломатического скандала с Турцией. Голландское правительство в категоричной форме запретило двум турецким министрам въезжать в страну и проводить агитационные митинги среди проживающих в Нидерландах турецких граждан. Еще в конце 2016 г. действующий премьер М. Рютте призвал активно защищать ценности страны и выдворять из Нидерландов иммигрантов, не желающих интегрироваться.

избирателей, которых в гораздо большей мере интересовала экономическая составляющая программ партий. Удивительно, что в стране, где каждый пятый житель является иммигрантом или потомком иммигранта в первом поколении, вопрос о беженцах долгое время не входил даже в десятку главных проблем⁹. Тем не менее в 2010 г. ультраправой партии *Шведские демократы*, наконец, удалось пройти 4%-ный барьер и попасть в Риксдаг. Преодолеть «стену» толерантности, свойственную большинству шведов, а также раздуваемый государственными информационными ресурсами негативный образ профашистской партии, Шведским демократам помогли удачные партийные преобразования, проводимые их новым молодым лидером Йимми Окессоном. Под его руководством маргинальной праворадикальной партии, бойкотированной даже платными шведскими СМИ, удалось не только попасть в Риксдаг в 2010 г., а в 2014 г. в Европарламент, но и, согласно социологическим опросам, в кризисный 2015 г. стать самой популярной партией страны. Безусловно, миграционный кризис, в течение которого только по официальным данным на территорию 10-миллионной Швеции попали около 200 тыс. нелегальных мигрантов, также содействовал росту популярности праворадикалов. Террористические акты, в частности наезд грузовика в апреле 2017 г. на толпу людей, гуляющих по пешеходной улице Стокгольма, ряд резонансных преступлений на расовой почве кардинальным образом изменили

⁹ Опрос шведского электората, голосовавшего на парламентских выборах в 2010 г., показал, что проблема беженцев / иммигрантов находится для них на 16-м месте [27].

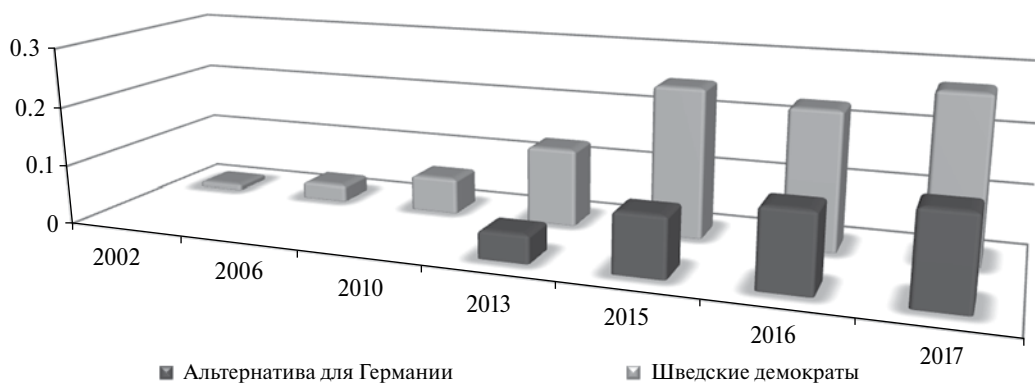

Рис. 3. Рейтинги популярности Шведских демократов и Альтернативы для Германии

Источник: [25;26].

рейтинг антииммигрантской партии Шведские демократы. По результатам соцопросов весной 2017 г. за них готовы были проголосовать 27.2% респондентов, в то время как правящую Социал-демократическую партию поддерживали лишь 23.3%, а оппозиционную Умеренную коалиционную – 15.8% [28].

Лидер Шведских демократов также успешно борется и с образом “партии одного вопроса”. В своих выступлениях Окессон уделяет внимание не только антииммиграционной риторике, но и экономическим аспектам: росту неравенства в Швеции (коэффициент Джини, показатель степени неравенства в доходах, вырос за одно поколение в Швеции как ни в одной другой развитой европейской стране, на 25%); недостатку рабочей силы в определенных секторах экономики; продолжительности рабочего времени и пр. Подобная тактика привлекает все большее число избирателей, среди которых уже не только синие воротнички, но и представители среднего класса, разочаровавшиеся в политике сменяющих друг друга право- и левоцентристских коалиций [29]. Между тем в Швеции (впрочем, и в Германии, Дании, Нидерландах и др.) существует пропорциональная система голосования. Этот механизм имеет определенную устойчивость и собственные методы борьбы с радикальными элементами. Прежде всего предполагается создание правящими партиями крупных коалиций и бойкотирование более мелких партий. Очевидно, что на грядущих в 2018 г. парламентских выборах Шведские демократы достигнут своего исторического максимума. Но, по всей видимости, их дальнейшая судьба будет схожа с соседними скандинавскими ультраправыми партиями, которые по мере своего усиления вливались в политическую элиту и правительственные круги, а затем незаметно растворялись в них, теряя доверие избирателей и их поддержку. Ряд исследователей уже указывают на факты нарушения шведским истеблишментом табу на сотрудничество

с праворадикалами, по крайней мере, такие события уже происходят на местном уровне [30].

Не совсем штатная ситуация складывается и в Германии. На осенних парламентских выборах 2017 г. в Бундестаг прошла молодая и быстрорастущая ультраправая *Альтернатива для Германии*, которая, заручившись поддержкой 12.6% немецких избирателей, получила 94 места. Кризис 2015 г. резко политизировал миграционный вопрос в этой стране [31], поскольку именно богатая и открытая для беженцев Германия стала вождленным конечным пунктом для большинства прибывших в ЕС нелегалов. Альтернатива для Германии заняла третье место по величине в законодательном органе после СДПГ и ХДС/ХСС, двух крупнейших партий, формирующих с 2013 г. “большую” правящую коалицию. Однако именно такой расклад сил и гарантирует немецким ультраправым если не положение изгоя, то место исключительно в рядах маломощной оппозиции, не имеющей абсолютно никаких шансов повлиять на политику партий мейнстрима. Представители ведущих политических сил также стараются воспользоваться моментом и активно перехватывают у Альтернативы для Германии инициативу. В частности, канцлер ФРГ еще с 2016 г. начала последовательно ужесточать свою миграционную политику. Ангела Меркель неоднократно высказывалась о необходимости депортации “экономических” мигрантов, иностранцев, уличенных в преступлениях, о возможном частичном запрете на ношении паранджи. В 2016–2017 гг. руководству Германии удалось также кардинальным образом сократить количество въезжающих на территорию страны беженцев и нелегальных мигрантов, главным образом в связи с заключением дорогостоящего и достаточно противоречивого с правовой точки зрения договора с Турцией. Стоит отметить, что в январе 2017 г. Конституционный суд ФРГ в очередной раз отклонил иск о запрете другой ультраправой

партии Германии – НДПГ, объяснив это тем, что, “в настоящий момент у партии нет реального потенциала для устранения демократии в Германии”. Действительно, многие политологи отказывают НДПГ в серьезном политическом будущем [32]. Однако налицо опасение немецкой политической элиты по поводу того, что полный запрет Национал-демократической партии Германии может укрепить электоральную базу Альтернативы для Германии, в особенности на востоке страны. Здесь ультраправые настроения традиционно сильны по причине отсутствия в послевоенный период опыта переосмысления исторического прошлого в духе освобождения от нацизма и покаяния (как на западе Германии).

* * *

Итоги прошедших в 2017 г. региональных, парламентских и президентских выборов в ряде стран Европейского союза отчетливо продемонстрировали

спад популярности праворадикальных настроений. Обнаружился целый комплекс проблем, с которыми ультраправые партии не могут справиться ни посредством усиления популистской риторики и эпатажности поведения их харизматичных лидеров, ни, напротив, путем собственной демократизации, сближения с центром и даже слияния с правящим классом. Потеря собственной политической ниши и стратегической перспективы, лабильность партийной самоидентификации избирателей, а также активизация истеблишмента в плане перехвата ультраправых лозунгов играют решающую роль в снижении рейтингов этих партий. Полный провал демонстрируют популистские “партии одного вопроса”, а именно Партия независимости Соединенного Королевства. В целом можно констатировать и переход “ксенофобской волны” праворадикалов в свою завершающую стадию, обусловленную предпринимаемыми правящим классом жесткими мерами в отношении иммиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Eatwell R., Wright A. *Contemporary Political Ideologies*. London, Continuum, 1999. 304 p.
2. Mudde C. *Populist Radical Right Parties in Europe Today*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 404 p.
3. Collovard A. *Le “Populisme du FN” un dangerous contresens*. Paris, Editions du Croquant, 2004. 256 p. DOI:10.1017/CB09780511492037
4. *Front National. Pour la France. Programme du Front National. Parliamentary election manifesto for 1986*. Paris, Éditions Albatros, 1985. 191 p.
5. Hainsworth P. The Extreme Right in France: The Rise and the Rise of Jean-Marie Le Pen’s Front National. *Representation* 40(2), 2004, pp.101-114. DOI:10.1080/00344890408523253
6. Taggart P. A Touchstone of Dissent: Euroskepticism in Contemporary Western European Party Systems. *European Journal of Political Research*, 1998, 33(3), pp. 363-388. DOI:10.1111/1475-6765.00387
7. Björklund T., Andersen J. Scandinavia and the Far Right. The Far Right in Europe. *An Encyclopedia*, Davies P., Jackson P., eds. Oxford, 2008, pp. 147-163. DOI:10.1336/1846450039
8. Mason R., Booth R. and Gentleman A. Nigel Farage Resigns as UKIP Leader after “Achieving Political Ambition” of Brexit. *The Guardian*, 04.07.2016. Available at: <https://amp.theguardian.com/politics/2016/jul/04/nigel-farage-resigns-as-ukip-leader> (accessed 10.10.2017).
9. Ahponen T. *True Finns, False Hopes. The Finns Rose to Become One of Europe’s Most Prominent Right-populist Parties. Then They Joined Government*. Available at: <https://www.jacobinmag.com/2017/04/true-finns-finland-timo-soini-nationalists-far-right-xenophobia-elections/> (accessed 10.10.2017).
10. *Voting Intentions for the Norwegian Parliamentary Election*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/657707/voting-intentions-for-parliament-election-in-norway/> (accessed 10.10.2017).
11. *Electograph. Denmark*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/Denmark> (accessed 10.08.2017).
12. *Electograph. Finland*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/Finland> (accessed 10.08.2017).
13. *Electograph. Norway*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/Norway> (accessed 10.08.2017).
14. Klaus von Beyme. Right-Wing Extremism in Post-War Europe. *West European Politics*, 1988, vol. 11, no. 2, pp.1-18. DOI:10.1080/01402388808424678
15. Wolfreys J. The European Extreme Right in Comparative Perspective. *Varieties of Right-wing Extremism in Europe*. New York, Routledge, 2013, pp. 19-37.
16. Faye Olivier. Le FN capte l’attention d’une partie de l’électorat gay. *Le Monde*, 12.04.2016. Available at: http://mobile.lemonde.fr/politique/article/2016/04/12/1-attraction-en-hausse-du-front-national-aupres-de-la-communautaire-gay_4900269_823448.html?xtref=acc_dir (accessed 10.10.2017).
17. Le Pen Marine. *Les 144 engagements présidentiels*. Available at: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/> (accessed 10.10.2017).
18. Allemandou S. *Présidentielle: les électeurs face à la tentation du vote blanc*. Available at: <https://amp.france24.com/fr/20170406-france-electeurs-tentation-presidentielle-vote-blanc-abstention-nul> (accessed 10.10.2017).

19. Jean-Luc Mélenchon “ne votera pas FN” mais ne donne pas de consigne de vote. *Le Monde*, 28.04.2017. Available at: http://mobile.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2017/04/28/jean-luc-melenchon-ne-votera-pas-front-national-mais-ne-donne-pas-de-consigne-de-vote_5119675_4854003.html (accessed 10.10.2017).
20. Dutch Populist Geert Wilders Talks of Moroccan “Scum”. *BBC News*, 18.02.2017. Available at: <https://www.bbc.com/news/amp/world-europe-39016179> (accessed 10.10.2017).
21. Politieke peiling: in surplace naar de finish. *I&O Research*, 08.03.2017. Available at: <http://www.ioresearch.nl/home/nieuws/artmid/445/articleid/853/politieke-peiling-in-surplace-naar-de-finish> (accessed 10.10.2017).
22. *Electograph. France*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/France> (accessed 10.08.2017).
23. *Electograph. The United Kingdom*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/United%20Kingdom> (accessed 10.08.2017).
24. *Electograph. Netherlands*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/Netherlands> (accessed 10.08.2017).
25. *Electograph. Germany*. Available at: <http://www.electograph.com/p/electomonitor.html?m=1#Germany> (accessed 10.08.2017).
26. *Electograph. Sweden*. Available at: <http://www.electograph.com/search/label/Sweden> (accessed 10.08.2017).
27. Holmberg S., Nasman P., Wanstrom K. *Riksdagsvalet 2010*. Valu, 2010. Available at: http://svt.se/content/1/c8/02/15/63/14/ValuResultat2010_100921.pdf (accessed 10.10.2017).
28. Sentio efter terrordådet: Nytt SD-rekord på 27,2 procent. *Nyheter Idag*, 10.04.2017. Available at: <https://nyheteridag.se/sentio-efter-terrordadet-nytt-sd-rekord-pa-272-procent/> (accessed 10.10.2017).
29. Adler K. Sweden Far-right Party Makes Gains from Migrant Crisis. *BBC News*, 11.11.2015. Available at: <https://www.bbc.com/news/amp/world-europe-34784424> (accessed 10.10.2017).
30. So ist die Flüchtlingssituation in Schweden wirklich. *Deutsche Welle*. Available at: <http://amp.dw.com/de/so-ist-die-fluechtlingssituation-in-schweden-wirklich/a-37639528> (accessed 10.10.2017).
31. Greive Martin. Die AfD ist eine Partei der Besserverdiener und Gebildeten. *IW Köln*, 30.04.2016. Available at: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article154899202/Die-AfD-ist-eine-Partei-der-Besserverdiener-und-Gebildeten.html> (accessed 10.10.2017).
32. Белов В. Власти Германии снова пытаются запретить праворадикальную партию. *Ведомости*, 02.03.2017. [Belov V. Vlasti Germanii snova pytayutsya zapretit' pravoradikal'nyuyu partiyu [The German Authorities Trying Again to Ban the Extreme Right-wing party]. *Vedomosti*, 02.03.2017.] Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/02/632159-vlasti-germanii-snova-pitayutsya-zapretit-pravoradikalnuyu-partiyu> (accessed 10.10.2017).

FAR-RIGHT PARTIES IN WESTERN EUROPE: RUNNING OUT OF RESOURCES

(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 2, pp. 37-46)

Received 11.10.2017.

Anna S. BADAeva (annabadaeva@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article details the phenomenon of the modern right-wing radicalism in Western Europe. Special attention is paid to the analysis of far-right politics in different West European countries, such as France, the Netherlands, the United Kingdom, Germany, Denmark, Finland, Sweden and Norway. The author identifies the causes and factors which facilitated the transformation of several marginal extreme right movements and parties into a real threat to the European political mainstream. At the same time, the article reveals the latest trends amid the Europe elections 2016-17: right-wing parties have limits on the political scene. Defeat of Marine Le Pen in France, Geert Wilders in the Netherlands and Timo Soini in Finland for some time will serve as a good reminder across Europe that populism and popularity, democratization of the party image and shifting to the political centre, charismatic leader and even joining the ruling class do not necessarily lead to the real power. Establishment activation in terms of anti-immigration and Eurosceptic rhetoric as well as party identification lability of modern European voters are clearly impairing far-right parties ratings and items. It's finally destroying their strategic perspective. The 2017 election failure of the anti-EU UKIP Party in England demonstrated the complete inability of a right-wing single-issue party. Just Sweden Democrats and Alternative for Germany are still very successful. However, the voices of far-right parties will hardly be heard in the German Bundestag and in the Sweden Riksdag due to multiplicity of the ruling parliamentary coalitions in these two West European countries.

Keywords: far-right parties in Western Europe, the Radical Right, populism, Euroscepticism, xenophobia, France's National Front, Dutch Party for Freedom, Alternative for Germany, Sweden Democrats.

About author:

Anna S. BADAeva, Candidate of Political Science, Research Fellow.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-37-46